

Цуй Сянь стал повторять то, что помнил по действиям отца: перед маленьким храмом он очертил круг старым благовонным пеплом из курильницы, затем смешал его с тёмной водой Инь, скопившейся на земле в лесу, и перед самыми дверями храма штрих за штрихом написал иероглиф «закрыть».

Он просто повторял всё по памяти, как рисуют ковш по образцу тыквы, а затем глубокой ночью согнулся и протиснулся внутрь маленького храма высотой всего в полчеловека. Место, которое в детстве казалось ему довольно просторным, теперь стало невыносимо тесным. Чёрная кошка внутрь не пошла. К подобным храмам она явно испытывала отвращение и старалась держаться подальше, поэтому осталась сторожить на расстоянии.

Цуй Сянь несколько раз позвал её, но безуспешно, и в итоге ему пришлось одному свернуться и забраться внутрь. Он обхватил колени, закрыл глаза и рот, а голову укутал старым одеялом с Дораэмоном, принадлежавшим чёрной кошке. Снаружи хрипло каркали вороны, ветер шуршал листвой в лесу.

Ощущение полной оторванности от мира и одиночества было слишком сильным. Сырой, пронизывающе холодный воздух, пропитанный запахом благовонного пепла, почти лишал его дыхания. Цуй Сянь изо всех сил сосредоточился, стараясь не обращать внимания на это чувство, и вместо того начал понемногу упорядочивать в голове обрывки детских воспоминаний, которые по какой-то причине были забыты много лет, но теперь внезапно возвращались.

Играть ему почти не доводилось. Всё детство прошло в бесконечных переездах, строгом обучении и осторожных наставлениях. Магической силы у него не было, но все тайные методы и записи рода Цуй он действительно унаследовал. Отец говорил ему: если не понимаешь, просто заучи наизусть, эти вещи очень важны.

Значит, линия рода Цуй вовсе не прервалась. Она тайно сохранилась в его памяти, а затем была запечатана техникой запечатывания души. Пока не наступит подходящий случай, никто не сможет снять эту печать. Только вот древние тайные искусства и воспоминания, пролежавшие под замком долгие годы, теперь понемногу пробуждались, а для него, человека без всякой магической силы, трудно было сказать, принесёт это благо или беду.

Но с течением времени Цуй Сяню становилось всё труднее сохранять спокойствие. За стенами маленького храма постепенно поднялся иньский ветер, а вокруг зазвучали многочисленные беспорядочные, лёгкие и блуждающие шаги. Казалось, что нечто кружит вокруг очерченного им перед храмом круга, пытаясь найти слабое место и прорваться внутрь. Этих существ становилось всё больше, шаги звучали всё плотнее и хаотичнее. Цуй Сянь не был уверен, сколько ещё продержится наложенное им ограничение, ведь магической силы у него не было.

К счастью, в этот момент чёрная кошка внезапно бросилась в бой. Услышав один за другим пронзительные кошачьи крики, смешанные с воем иньского ветра, Цуй Сянь понял, что она уже сцепилась с теми существами, стараясь отвлечь их внимание на себя.

Хотя Цуй Сянь и тревожился за чёрную кошку, его собственное положение сейчас было ещё опаснее. Многочисленная нечисть выплёвывала мерзкую скверну, которая всё ближе подползала к маленькому храму, словно комья гниющего мяса, понемногу разъедавая поставленный им запрет. Пепел благовоний на очерченном круге постепенно чернел.

И как раз когда Цуй Сянь сосредоточился и затаил дыхание, вдруг раздался до боли знакомый голос:

— Сынок, выходи. Скорее выходи, пойдём домой.

Сердце Цуй Сяня резко дрогнуло, он едва не откликнулся. Это был голос его отца! Но почти сразу он пришёл в себя и зажал себе рот рукой. Его отец не мог быть здесь.

Увидев, что выманить Цуй Сяня не получается, снаружи послышался голос деда:

— Сяньвацзы, хватит играть, темно уже, пойдём с дедом домой.

А затем раздался даже голос его друга детства Чжань Чуаня:

— Цуй Сянь, пошли! Ко мне домой пойдём. Пошли, пошли!

Иероглиф «закрыть» на дверях маленького храма тоже начал постепенно расплываться, потому что у наложившего его человека не было магической силы, способной поддерживать действие запрета.

— Пошли... пошли, пошли...

Разные голоса смешивались воедино, вызывая почти непреодолимое желание немедленно подняться и уйти вместе с ними. Подобное явление называли «призрачным зовом души». Если живой человек окажется неосторожен, откликнется и последует за ними, то потом, даже пожелав вернуться, уже не сможет этого сделать. Потому что, обернувшись, он увидит: тело по-прежнему свернулось на прежнем месте, а ушла вслед за зовом лишь покинувшая оболочку душа.

И именно в этот момент у входа в маленький храм внезапно появился огромный кроваво-красный глаз и возбуждённо заглянул внутрь:

— Хе-хе-хе, вот ты где! Нашёл тебя!

Злобный призрак прорвал защиту и с силой выплюнул поток иньской грязной воды прямо на написанный на стене иероглиф «закрыть». Инь и Ян столкнулись, с шипением поднялся густой белый дым, и защита храмовой двери окончательно рухнула.

Когда злобный дух с рёвом уже собирался ворваться внутрь, Цуй Сянь резко прокусил кончик языка и вместе с кровью выплюнул наружу последние крохи оставшейся жизненной энергии. Обмакнув ладонь в кровь, он криво и неровно начертал на ней талисман призыва божества. Он лишь недавно вспомнил этот способ и даже не знал, правильно ли написал знаки, но теперь оставалось только рискнуть.

Цуй Сянь резко прижал ладонь к земле.

Кровь на ладони мгновенно и без остатка впиталась во влажную почву. В тот же миг маленькая глиняная статуя божества в храме, высотой всего в несколько цуней, внезапно распахнула глаза и вспыхнула ослепительным сиянием. Туди, чьё положение среди божеств было совсем невысоким, в этот момент неожиданно обрёл огромную мощь, и бурная сила широким потоком хлынула во все стороны, очищая пространство вокруг маленького храма.

В мгновение ока окружавшие храм призраки и нечисть с воем были отброшены прочь, даже чёрная кошка поспешно отступила подальше.

Цуй Сянь тяжело дышал, весь покрытый холодным потом, и невесело усмехнулся. Отец говорил верно: чем сильнее чудесная сила, которую человек из мира мистических искусств вызывает с помощью талисманов, тем большую цену приходится платить и тем тяжелее будет обратный удар. У Цуй Сяня не было магической силы, поэтому ему оставалось лишь напрямую расходовать собственную врождённую изначальную ци. Обычный практик так поступать не стал бы, ведь врождённая ци для совершенствующегося чрезвычайно драгоценна и определяет предел, которого он способен достичь. Сколько её дано человеку при рождении, столько и есть: потратишь немного - останется на столько же меньше.

Пережив ещё одну беду, Цуй Сянь вытер кровь с уголка рта и решил выйти из храма, чтобы посмотреть, что с чёрной кошкой. Та уже довольно давно не издавала ни звука, и он начал беспокоиться.

Но едва Цуй Сянь переступил порог, как внезапно остановился и настороженно посмотрел в глубь леса. Из-за дерева медленно вышел человек. Кукла, которой тот колдовал и призывал призраков, была разнесена в клочья, осколки рассекли ему ладонь до крови, однако на лице не дрогнул ни единый мускул. Напротив, от возбуждения его голос буквально задрожал:

— Хе-хе-хе... хе-хе-ха-ха! Человек предполагает, а Небо располагает. Так ты всё-таки унаследовал мистические искусства рода Цуй! Теперь уже не тем нескольким старикам решать, как всё будет!

.....

У подножия горы Лунху Юань Чжэнчу в сопровождении двух даосов в пурпурных одеяниях собирался официально нанести визит школе. Обоим даосам было уже за пятьдесят, и уровень их совершенствования был весьма неплох. С первого взгляда было ясно, что в школе они занимают положение наставников и старших. Увидев, как Юань Чжэнчу ступень за ступенью

поднимается по каменной лестнице, они переглянулись, а затем одновременно поклонились.

— Ученики Чжан Хунлин и Чжан Хунцин приветствуют великого младшего дядю-наставника.

Юань Чжэнчу слегка нахмурился:

— Мой учитель давно покинул даосскую школу. Вам не нужно приветствовать меня согласно старшинству поколений.

Сказав это, он даже не дал им ответить и коротко махнул рукой:

— Просто показывайте дорогу.

Несколько молодых учеников позади, увидев, как пренебрежительно обошлись с наставниками, которых они обычно глубоко уважали, тут же решили, что этот человек совершенно не умеет считаться с обстоятельствами. Подумаешь, обладает некоторой магической силой - ещё совсем молод, а уже до крайности заносчив.

Чжан Хунлин и Чжан Хунцин ничуть не рассердились. Они тут же отступили в сторону, показывая дорогу:

— Прошу. Патриарх уже давно ждёт вас в резиденции Небесного наставника, а на Алтаре десяти тысяч учений подготовлена церемония с возжиганием благовоний и проведением даосского обряда.

Алтарь десяти тысяч учений был одним из четырёх великих даосских алтарей. Под ним было запечатано бесчисленное множество злых духов и нечисти, поэтому через определённые промежутки времени туда приглашали прославленных мастеров Пути, чтобы они собирались вместе, проводили ритуалы и освобождали души.

Однако Юань Чжэнчу ещё не успел сделать и шага, как рука, державшая меч, внезапно сжалась. Шестой палец сам собой дёрнулся и ударил по клинку, вызвав волну духовной силы. Для практикующего любое необычное знамение могло оказаться предупреждением или подсказкой. Он быстро произвёл расчёт на пальцах и определил, что знак указывает строго на север.

Все эти дни он двигался от Циньлина на юг, а сейчас к северу от него находился лишь один человек, связанный с ним достаточно тесно, чтобы вызвать подобный отклик, - тот самый «недоучка» из рода Цуй.

И потому все присутствующие увидели, как Юань Чжэнчу, ещё мгновение назад стоявший у подножия горы и собиравшийся подниматься наверх, вдруг замер, затем вытащил легендарный Шэньцюэ Инь и Ян. Вокруг него с силой взметнулась мощная ци, он произнёс заклятие, встал

обеими ногами на меч и тут же полетел на нём на север.

Лицо Чжан Хунлина наконец изменилось. Он поспешно задрал голову и закричал в небо:

— Великий младший дядя-наставник! Здесь запретная для полётов зона! Летать нельзя! Полёт на мече нужно заранее регистрировать! Заранее регистрировать!

Чжан Хунцин похлопал младшего брата по плечу:

— Да брось. Род Юань столько лет жил в горах, он наверняка просто не знает всех этих нынешних дурацких правил. Его уже и след простыл. Поговорим, когда наш великий младший дядя-наставник закончит свои дела и вернётся. А пока давай лучше оформим ему временное уведомление на полёт на мече.

Чжан Хунлину оставалось лишь смириться. Он сердито топнул ногой и решил сперва пожаловаться патриарху: если потом придётся разгребать последствия, будет хотя бы на кого переложить ответственность.

Юань Чжэнчу приходилось выбирать малолюдные и безлюдные маршруты, поэтому летел он не слишком быстро. Но стоило ему сосредоточиться, как он слегка изменил направление и вскоре заметил к северу огромного чёрного зверя, который, шатаясь, стремительно пробирался через лес.

Это была та самая чёрная кошка-сюаньша из старой усадьбы рода Цуй.

В тот день, когда Юань Чжэнчу умирал её, он обнаружил, что, хотя кошка и была сюаньша, тяжких убийств на ней почти не было, поэтому он намеренно щадил её. Однако эта тварь оказалась хитрой: притворяясь ласковой, долго тёрлась и каталась по нему, а заодно тайком проглотила частицу его магической силы.

Юань Чжэнчу не стал с этим считаться. Бесхозному духовному существу всё равно требовалась подпитка, и украсть немного силы оно решилось лишь ради продолжения жизни. Ему самому достаточно было нескольких полных циклов циркуляции ци, чтобы восстановить потерю, так что он просто позволил кошке делать что хочет. К тому же её угодливый вид был почти точь-в-точь как у Цуй Сяня, этого оставшегося в одиночестве потомка рода Цуй.

Поэтому в тот день, когда Цуй Сянь спросил, как потом его найти, Юань Чжэнчу сперва не собирался оставлять между ними слишком много связей, чтобы этот обычный человек с фамилией Цуй не оказался втянут в беду. Но, уходя, всё же указал на чёрную кошку. Сюаньша способна отыскать человека по следу магической силы, которую когда-то проглотила.

Однако Юань Чжэнчу не ожидал, что встретятся они вновь так скоро. Он остановил меч и опустил на землю, но чёрный зверь словно ничего не видел вокруг и лишь упрямо рвался

вперёд. Юань Чжэнчу пригляделся и заметил, что всё его тело покрыто тяжёлыми ранами, кровь стекала по шерсти, оставляя за ним длинный след. Одна лапа была сломана, а из-за долгого бега из раны уже торчал кусок белой кости.

Юань Чжэнчу одним движением схватил зверя за загривок. Тот больше не смог держаться: окружавшая его чёрная ци мгновенно рассеялась, огромный зверь сжался до своего настоящего облика тощей чёрной кошки и тут же потерял сознание. Однако даже в таком состоянии она всё ещё крепко держала в зубах окровавленный клочок ткани.

Опасаясь, что кошка полностью истратит свою губительную ци и её душа рассеется, Юань Чжэнчу достал золотую нить, обвязал ею кошачью шею, глубоко вдохнул, собрал истинную ци в груди и громким криком потряс её душу:

— Очнись!

Только тогда в глазах чёрной кошки появилось немного жизни. Она показала Юань Чжэнчу кусок окровавленной одежды, оторванный от Цуй Сяня, затем, хромая, вцепилась зубами в край его штанов и изо всех сил потянула на север. Очевидно, потомок рода Цуй попал в беду, сюаньша оказалась не в силах справиться и потому преодолела огромное расстояние, чтобы привести помощь.

Юань Чжэнчу не обратил внимания ни на кровь, ни на грязь, покрывавшие кошку, и одним движением убрал едва живое животное к себе в рукав. Затем с грохотом ударил левой ногой о землю. Вокруг него мгновенно поднялся мощный поток ци, заставивший одеяние с треском развеяться на ветру. Используя самого себя как центр формации и опираясь на очертания окрестных гор и течение вод, он прямо на месте развернул массив.

Взяв за основу клочок одежды, пропитанный кровью Цуй Сяня, Юань Чжэнчу начертил на земле ярко сияющее Заклятие поиска духа. Окровавленная ткань стала сердцем формации, а компас, несколько раз резко провернувшись с сухим «кляц-кляц», указал направление.

Юань Чжэнчу поднял меч и, следуя указанному пути, вновь взмыл в воздух.